

РЕЧЬ

Меч редко прав. А речь права;
Течет ручьем голубоглазым.
А старомодные слова
В футбол играют с новоязом.

День быстро переходит в ночь.
Но песенка еще не спета.
Смерть не наклеивает скотч
На рот ушедшего поэта.

Я говорю себе: «Иди
Вперед, не убоясь подвоха!..»
Все позади. Все впереди.
Все плохо. Нет, совсем не плохо.

ВРЕМЯ

В детстве жизнь пахла чудом, сгущенкой,
И молочные реки текли.
А теперича клювом не щелкай,
На прокорм добывая рубли.

А теперича время бандита,
Что припрятал в костюме обрез.
...Я хотел бы купить на «Авито»
Хоть немножечко детских чудес.

А теперича жизнь — мани-мани,
Пропадешь, коль себя не продашь.
...Я хотел бы купить на «Циане»
Не квартиру — а детский шалаш.

Тот шалаш, что мы строили с братом
Полстолетия с гаком назад.
Я тогда был безмерно богатым.
И шалаш был, и мама, и брат.

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах «Нева», «Дружба народов», «Знамя», «Звезда», «Урал», «Наш современник», «Интерпоэзия», «Арион», «Юность», «День и Ночь», «Волга», «Подъем», «Дон» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Москве и поселке Быково (Московская область). Главный редактор журнала поэзии «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига и премии журнала «Нева».

ОТЧЕТ О КОМАНДИРОВКЕ НА ЗЕМЛЮ

Как жил? Да обычно, как люди
Живут, позабыв про покой.
Под стать буквоеду-зануде
Корпел над негромкой строкой.

Как жил? Пропадал на работе,
Где было по горло забот.
А ночью дудел на фаготе,
Насилуя бедный фагот.

Как жил? Хорошо. Понимая,
Что мог бы загнуться давно.
Спасала от хвори парная.
Спасало от хмари вино.

Не хныкал, делился хот-догом
С голодным бомжующим псом.
И тихо беседовал с Богом,
Ему говорил обо всем.

МАЛЬЧИК ИЗ СЕМИДЕСЯТЫХ

Энергетическим вампирам
Теперь раздолье на земле.
А донор выглядит гарниром
На маленьком, как мир, столе.

Теперь трепач телеэкранный
Мне проповедует добро.
А сам потом кутит с путаной
И ставит фишки на zero.

Да я и сам — из грязи в князи;
Ем бутербродики с икрой.
А все-таки ни в коем разе
Я не приемлю этот строй,

Где даже чувства на продажу,
Где цель искусства — кошелек,
А ежели не хвалишь лажу,
То ты дремуч и недалек.

А ежели в безумных чатах
Не окопался, то забыт.
...А мальчик из семидесятых
Со мной, как прежде, говорит.

НЕ ЗРЯ

Всегда найдется...

Е. Евтушенко

Всегда найдется кто-нибудь,
Кто возжелает речь толкнуть,
Назвать героем негодяя,
В историю кирпич кидая.

Всегда найдется кто-нибудь,
Кто скажет: «Подвиг — это муть...»
И грязью честный путь измажет,
Используя новейший гаджет.

Я с этим хорошо знаком.
Но жить привык своим умом
И знаю цену пустобрехам,
Кто гадят людям и эпохам.

Не зря опять встает заря,
И прадед мой погиб не зря,
Освобождая небо Крыма,
Не зря летит — неотменима —

Пушинка пушкинской строки
Туда, где будут дни легки,
Окрепнет дух, утихнет рана
И врать не будут непрерывно.

ЭПИГРАФ ИЗ ТАРКОВСКОГО

Я говорил на птичьем языке,
на языке синичьем и скворчином...

А. Тарковский

Я жил тогда на даче, карантинном
Окованный, с природой тет-а-тет.
На языке синичьем и скворчином
Я говорил, как научил поэт.

На языке цветочном и клубничном,
На языке негнущейся ольхи.
И сосны, не гордясь своим величием,
Читали тихо мне свои стихи.

И я внимал сосновым этим стансам,
И от привычной речи так отвык,
Что как-то постепенно, час за часом
Стал человеческий забывать язык.

Язык дурмана и язык обмана,
Язык, который вызывает шок.
Я жил тогда на даче. Как ни странно,
Я был тогда совсем не одинок.

Витальный, я оставил за плечами
Свои печали, горести свои.
Я вспоминал язык первоначальный —
Язык любви.

ПИСЬМО И СЦЕНАРИИ

Пошли мне смайлик, эсэмэску,
Пока я не попал в тюрьму,
Пока товарищ Озвереску
Не объяснил мне, что к чему.

Не хмурься, не смотри зверушкой,
Хоть я седой, как Будулай.
Пошли мне поцелуй воздушный,
А далеко... не посылай!

Трепач нудит свою тираду,
Хотя в делах ни в зуб ногой.
На смену одному тирану
Мгновенно прибежит другой.

Сценарии однообразны,
Фантазия людей слаба.
Колючие, как дикобразы,
Гремят трибунные слова.

Пускай гремят. Пройдет и это.
А годы выветрят молву.
Моя душа твоей согрета.
Я лишь поэтому живу.

ИНОГДА

Я микрокосм, песчинка, сбой программы,
Не важный босс, но черноземный смерд.
Я не умею жизненные драмы
Преобразовать в мелодию и свет.

Мой интеллект, не отрицаю, куцый.
Респект и уважуха мудрецам.
Я не фанат новейших конституций
И в темноте, как светоч, не мерцал.

Но иногда, когда мне говорила
Моя любимая, любя, а не коря,
Что все же я не конченный дурила,
Тогда я думал, что живу не зря.

И вот тогда я мог свернуть и горы,
И клал с прибором на босяцкий быт,
И с Богом вел неробко разговоры.
Но я надеюсь, Бог меня простит.

ЗАТО

Не было смартфонов, Интернета,
Не было рокфора, фуагры.
Но чуть-чуть побольше было света
И чуть-чуть поменее хандры.

Не было ни вырезки говяжьей,
Ни шикарных вражеских авто,
Ни границ открытых, ни вояжей.
Но зато

Мир какой-то радужной основой
Отличался, а не лабудой.
А еще тогда я был здоровый,
А еще тогда был молодой.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Мои врачи — лучи, и Боженька,
И стихотворчества ручей,
И лист блаженный подорожника.
Чуть-чуть боюсь других врачей,

Чья речь как очередь расстрельная.
Я в это дело быстро вник.
Мои учителя — растения.
Прекрасен стойкий борщевик,

Прекрасна сила одуванчика,
Что прет красиво на рожон.
Я знаю, красота обманчива.
Но все же ею поражен.

Мои мучители — не демоны.
Я сам. Живу, себя казня.
Но лишь бы не были разгневаны
Земля и небо на меня.